

Научная статья

УДК 81.366

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-30-41

Функциональный потенциал адъективных словоформ в русском языке

Галина Ивановна Панова¹

Антонина Евгеньевна Кузьмина²

Надежда Юрьевна Кравченко³

¹⁻³ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

¹ gipanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8375-8559>

² ivanova2979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2702-2686>

³ krawchenko.nadia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8211-7418>

Аннотация

Проведен анализ функций адъективных словоформ в сочетании со склоняемыми и несклоняемыми существительными. В сочетании со склоняемыми существительными адъективы выполняют структурную функцию согласования в роде, числе и падеже. Адъективные флексии выражают значения рода, числа, падежа в структуре самого адъектива; одноименные же значения господствующего субстантива они лишь отражают, являясь их материальным показателем.

При сочетании с несклоняемыми субстантивами адъективные словоформы согласуются только в роде, также лишь отражая его. В статье аргументируется отсутствие у этих субстантивов значений числа и падежа, синтаксическое выражение которых традиционно приписывают им. Адъективы в сочетании с несклоняемым существительным самостоятельно выражают количественные и падежные значения без участия существительного.

Ключевые слова

адъективные словоформы, склоняемые существительные, несклоняемые существительные, согласование, структурная функция, семантическая функция

Для цитирования

Панова Г. И., Кузьмина А. Е., Кравченко Н. Ю. Функциональный потенциал адъективных словоформ в русском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 30–41. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-30-41

Functional Potential of Adjective Word Forms in Russian

Galina I. Panova¹, Antonina E. Kuzmina²

Nadezhda Yu. Kravchenko³

¹⁻³ Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation

¹ gipanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8375-8559>

² ivanova2979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2702-2686>

³ krawchenko.nadia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8211-7418>

Abstract

Purpose. Analysis of literature on Russian morphology revealed the problems related to functional potential of adjective word-forms and the morphological content of indeclinable nouns. There are three viewpoints on features of indeclinable substantives: 1) they have categories of types, numbers, and cases, while the number and case appear as ho-

© Панова Г. И., Кузьмина А. Е., Кравченко Н. Ю., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 30–41

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 30–41

monymous forms with zero ending; 2) all categories of presented forms are used as inflection of adjectival words; 3) these substantives have no categories of number and case but have their syntactic meanings.

The article's purpose is to determine functions of adjective word forms in combination with inflected and indeclinable substantives, specifying the morphological content of the indeclinable ones.

Results. Adjectives in combination with declinable nouns perform the structural function of agreement in gender, number, and case. However, when combined with two-generic words, they lose the generic agreement. Adjective inflections express the meanings of gender, number, and case in the adjective structure itself; the same-name dominant substantives only reflect these meanings, being their material indicator.

With indeclinable nouns, adjectival word forms agree only by gender, also being just an indicator of it. Indeclinable substantives have no number and case meanings. Adjective word forms with an indeclinable substantive independently express quantitative and case meanings without participation of a substantive.

Keywords

adjective word forms, inflected nouns, indeclinable nouns, agreement, structural function, semantic function

For citation

Panova G. I., Kuzmina A. E., Kravchenko N. Yu. Functional Potential of Adjective Word Forms in Russian. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 30–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-30-41

Введение

Статья посвящена уточнению функционально-грамматического потенциала адъективных слов, реализуемого в сочетании со склоняемыми и несклоняемыми существительными. По существу, речь пойдет о функциях адъективных окончаний, их нередко рассматривают как «синтаксические средства выражения» морфологических значений (МЗ) субстантивов. Так, В. В. Лопатин «к обязательным морфологическим средствам», наряду с аффиксами и аналитическими средствами, относит «синтаксические средства при выражении рода, числа и падежа существительных». Это «родо-падежно-числовые флексии прилагательных и причастий» [Лопатин, 1984, с. 11]¹.

Думается, что система средств выражения МЗ не может на равных включать, с одной стороны, формообразующие аффиксы и вспомогательные слова, являющиеся носителями этих значений в структуре данной словоформы, и, с другой – «родо-падежно-числовые флексии» адъективов как показатели МЗ слов другой части речи – существительного. Каков же тогда статус адъективных флексий по отношению к самим адъективам и к существительным?

Прежде чем ответить на этот вопрос, представим наше понимание морфологических средств как особого объекта русской морфологии.

Средства выражения и показатели морфологического значения слова

Морфологическое средство – это языковая единица, являющаяся носителем МЗ и конституирующая абстрагированную морфологическую форму [Панова и др., 2021, с. 30–31]. Морфологическими средствами являются формообразующие аффиксы как конститuentы синтетических морфологических форм и вспомогательные слова – конститuentы аналитических форм. Используя графические аналогии, приведем примеры морфологических средств в структуре морфологических форм, а также словоформ, в которых реализуются морфологические формы на уровне конкретных лексических единиц. См.: [(основа сущ.) + -Ø] – друг; [(основа сущ.) + -ом] – другом; [(основа прил.) + -ый / -ий] – добрый; [более + (основа прил.) + -ым] – более добрым.

Таким образом, флексии прилагательных – это носители МЗ прилагательного, конституирующие их комплексные морфологические формы рода, числа и падежа (в полных формах).

¹ Курсивное выделение в этой и во всех других цитатах сделано нами.

Помимо этого, они, бесспорно, дают информацию о комплексных формах рода, числа, падежа определяемого субстантива, что связано с особым характером этих категорий.

Морфологические категории рода, числа и падежа – «синтагматически значимые». У существительного они «синтагматически обуславливающие», а у адъективов – «синтагматически обусловленные» [Бондарко, 2005, с. 66]. Форма рода-числа-падежа атрибутива представляет собой как бы формальный «оттиск» соответствующей формы субстантива и в качестве такового является синтагматическим показателем его МЗ (*новый дом-Ø, новые дома*), но не *средством* их выражения в строгом смысле этого термина. Выражение МЗ происходит не на синтагматическом, а на парадигматическом уровне: словоизменительные значения выражаются в структуре абстрагированных морфологических форм, а классификационные (род субстантива и вид глагола) – в структуре словоформ [Панова, 1996]). На наш взгляд, синтаксических средств выражения МЗ слова в точном смысле этого термина не существует.

Сказанное относится и к выражению категории рода существительных. Мы специально акцентируем на этом внимание, потому что флексии согласуемых словоформ обычно рассматривают как основные средства выражения рода субстантивов. Так, в «Краткой русской грамматике» читаем: «Более последовательным, однозначным (по сравнению с системой флексий субстантива. – Г. П., А. К., Н. К.) является с и н т а к с и ч е с к о е выражение рода существительных – формами согласуемого или координируемого слова» [КРГ, 1989, с. 150].

Иногда флексии адъективных словоформ рассматривают даже как компонент «грамматической формы» рода: «Родо-падежно-числовые флексии» являются «аналитическими составляющими грамматической формы» рода существительного в той же мере, «в какой слова “будет”, “самый”, “более” составляют элементы соответствующих категорий» [Копелиович, 1989, с. 10]. Думается, что функции адъективных окончаний рода и данных вспомогательных слов не тождественны. В сочетаниях языковых элементов типа *снежная зима* информация о роде заключена в самом существительном, она лишь отражается в адъективе, а в сочетаниях типа *будет любить* значение будущего времени не выражается в глаголе без аналитического компонента *будет*. Языковые единицы *будет, самый, более* выполняют **конституирующую функцию**: они конституируют соответствующую аналитическую форму. Адъективные же родовые флексии по отношению к роду субстантива выполняют **отражательную функцию**: они отражают, копируют род существительного в синтагме и тем самым информируют о нем, являясь его материальным показателем. (Таковую же функцию они выполняют по отношению к числу и падежу склоняемых субстантивов.)

Примечание. Род склоняемого субстантива определяется факторами, находящимися в самом субстантиве: 1) его лексической семантикой: *брат, зять, юноша, подмастерье, Михайло – медсестра, дочь, Верунчик*; 2) взаимодействием семантики (отсутствие семы «мужской пол») с флексией: *зима, синица* – жен. род; *лицо, море* – ср. род; 3) взаимодействием элемента плана выражения лексемы (конечный твердый согласный или [j]) с нулевой флексией: *дом, трамвай*. Кроме того, (4) род субстантива может быть обусловлен словообразовательным суффиксом: *яркость – шпионаж*. У непроизводных слов типа *тюль – вуаль, меч – речь* с омонимичными родовыми признаками: отсутствие семы пола + нулевая флексия + основа на мягкий согласный (не [j]) или на шипящий, – род определяется традицией и нормой [Панова, 1996, с. 77–134].

В формальной репрезентации категории рода существительных есть определенное противоречие. С одной стороны, родовые флексии зависимых словоформ, действительно, являются абсолютно последовательным «информантом» рода субстантива на синтагматическом уровне, с другой – эти флексии не обуславливают его родовую отнесенность в системе языка, а являются только ее отражением. Потому флексии согласуемых словоформ представляют собой не *средства выражения* рода существительного, а *средства отражения* его в синтагме, его «оттиск», который и служит формальным показателем рода субстантива.

Таким образом, следует разграничивать понятия *средства выражения* и *показатели* МЗ слова: последнее значительно шире. Всякое средство выражения МЗ в словоформе является

и его показателем, но не всякий показатель МЗ является средством его выражения. Так, показателем («информантом») значения несовершенного вида глагола может служить наличие у него формы настоящего времени или его сочетание с фазовым глаголом, – оба эти фактора являются следствием видового значения глагола, его парадигматическим и синтагматическим проявлением. Показатели, или признаки, МЗ слова могут быть вообще не связаны с морфологией, как например, конечные звуки *пл'*, *бл'*, свидетельствующие о мужском роде субстантива, или *п'*, *ф'* – о женском.

Возвращаясь к функциям атрибутивных флексий, процитируем В. В. Виноградова: «Окончания имен прилагательных свободны от иной семантической нагрузки, кроме обозначения синтагматического согласования признака с определяемым именем существительным» [1972, с. 151]. В этом и проявляется структурная функция адъективных категорий, выражаемых флексиями. А. В. Бондарко уточняет: «Структурная согласовательная функция категорий рода, числа и падежа полных прилагательных, употребляемых в роли определения, *лишь косвенно может участвовать в выражении семантического содержания*, передаваемого соответствующими категориями имени существительного» [2005, с. 47].

Примечание. Исключения составляют сочетания адъективных слов с двуродовыми субстантивами, где флексия рода адъективов не косвенно, а напрямую «может участвовать в выражении семантического содержания». Двуродовые субстантивы типа *зануда*, *умница* обозначают лицо в отвлечении от пола, и флексии родоизменяемых слов, прежде всего мужского рода, конкретизируют пол лица: *Наши зануда явился* (мужской пол) – *Наши зануда явилась* (скорее женский, однако не исключается и мужской)². В сочетаниях типа *наши зануда* атрибутивная словоформа согласуется с субстантивом только в числе и падеже, а согласование в роде здесь отсутствует [Голев, 2013, с. 20]. Род адъективного слова (*наши*) обусловлен реальным полом лица-референта, обозначенного субстантивом (*зануда*), который отвлечен от семантики пола. В таких случаях структурная согласовательная функция рода адъективов превращается в семантическую: их родовые формы отражают уже не род субстантива, а непосредственно пол обозначаемого им лица. Происходит семантизация словоформ рода адъективного слова, т. е. «приобретение структурной морфологической формой способности выражать понятийную информацию в определенных условиях контекста» [Панова, 2022, с. 55].

Итак, адъективные словоформы в сочетании со склоняемыми существительными выполняют структурную функцию, согласуясь с субстантивом в роде, числе и падеже (за исключением адъективов как носителей рода в сочетании с двуродовыми словами). Флексии же адъективных словоформ являются *средством выражения* МЗ только в структуре самих адъективов, конституируя их комплексные формы рода, числа, падежа. Что же касается словоформ существительных, то адъективные флексии являются только *показателями*, но не выразителями их МЗ и форм.

Если в сочетании с изменяемыми существительными формы рода-числа-падежа адъективов только отражают, копируют соответствующую форму существительного, выполняя структурную функцию согласования (за указанным исключением), то в сочетании с неизменяемыми, или несклоняемыми, субстантивами ситуация во многом иная. Однако, прежде чем говорить об этом, следует обратиться к проблеме морфологического содержания самих несклоняемых существительных: она решается неоднозначно в лингвистической литературе.

² В атрибутивных сочетаниях с субстантивом типа *судья*, а также *экскурсовод*, напротив, однозначную информацию о поле выражают флексии женского, а не мужского рода: *наша судья*, *наша экскурсовод*. О деталях проявления семантики пола в сочетаниях типа *наша умница* – *наш умница* и *наш судья* – *наша судья*, см. в [Панова, 2014, с. 85–86].

Проблема морфологического содержания несклоняемых существительных

Абсолютное большинство грамматистов считает, что несклоняемые существительные имеют, как и склоняемые, категории рода, числа и падежа. Одни из них полагают, что категории числа и падежа несклоняемых субстантивов включают омонимичные морфологические формы с нулевыми окончаниями; другие – что их род, число, падеж представлены аналитическими формами, включающими флексии адъективных словоформ; третьи – что эти категории выражаются синтаксически. Рассмотрим эти точки зрения.

1. Впервые о морфологической омонимии неизменяемых субстантивов написал А. И. Смирницкий: у слов «типа *метро, депо, такси, бра...* имеется в сущности омонимия ряда различных форм» [1955, с. 16]. А. А. Зализняк выделяет для таких слов особую парадигму «нулевого склонения» [1967, с. 42–43, 218]. Эту идею поддержала «Русская грамматика»: «Нулевым называется склонение, парадигма которого состоит из омонимичных форм с нулевой флексией: им. п.: *боа, депо, фойе*; род. п.: *боа, депо, фойе*; дат. п.: *боа, депо, фойе...*» [РГ, 1980, с. 506].

С нашей точки зрения, приписывание неизменяемым субстантивам парадигмы падежа-числа с омонимичными нулевыми окончаниями противоречит принципу естественного отражения языковой действительности, которым руководствовался в свое время классик русского языкознания Л. В. Щерба, полагая, что исследователь должен отражать в языке то, что «особенно навязывается самой языковой системой». И далее: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков. <...> Само собой разумеется, что должны быть какие-либо *внешние выразители* этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий» [Щерба, 1957, с. 64]. Сказанное непосредственно относится и к неизменяемым субстантивам: у них нет «внешних выразителей» падежа и числа, значит, нет и самих категорий. (Не имеет «внешних выразителей» и род этих слов, но у рода особая ситуация; см. об этом ниже.)

Кроме того, приписывание несклоняемым субстантивам омонимичных словоформ падежа и числа не согласуется с тем направлением, по которому идет развитие морфологического строя русского языка, – это «деграмматикализация» – процесс «уменьшения роли флексии и сокращения числа значений, обязательно выражаемых в словоформе» [Князев, 2007, с. 163–165]. Деграмматизированными автор называет словоформы, утратившие изменяемость в процессе развития, как, например, синтетические компаративы прилагательных, деепричастия или словоформы прошедшего времени глагола, имевшие ранее формы лица. Е. В. Клобуков расширяет введенное Ю. П. Князевым понятие: «Деграмматикализация понимается... как отсутствие в словоформе аффиксального выражения ее грамматического значения» [Клобуков, 2014, с. 46]. К классу «морфологически деграмматизированных словоформ» автор относит все неизменяемые части речи, присоединяя к ним и несклоняемые существительные, тем самым справедливо отказывая им в обладании омонимичными формами.

Данная интерпретация неизменяемых субстантивов вполне согласуется с тем процессом, который происходит в сфере падежа русских субстантивов – процесс «расшатывания» и постепенного разрушения этой категории. М. Я. Гловинская приводит богатый языковой материал периода 1985–1995 гг., иллюстрирующий «рост аналитических способов передачи падежных значений, использование неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, неправильный выбор падежа» [1996, с. 237]. Приведем некоторые примеры неправильного употребления падежа, встречающиеся, как отмечает автор, даже в письменной речи носителей литературного языка: *Ахматова показывает об этом сходстве*; *Больше уделять внимания на искусство*; *Я читал лекции на двух факультетов*; *Прошел новый тур парламентских выборов*; *Я наслушалась рассказов о колдунов* или *в некоторых своих наблюдений, что касаются импрессионистах*.

Подобные факты свидетельствуют о том, что падежные формы субстантивов утрачивают значимость в передаче смысловых отношений объектов, отражаемых в высказывании, и – в совокупности с другими фактами – о постепенном разрушении категории падежа в русском языке, т. е. об «уменьшении роли флексии» (Ю. П. Князев). На этом фоне не диалектично усматривать у несклоняемых слов наличие омонимичных форм. Таким образом, мы присоединяемся к тем исследователям, которые отрицают наличие у несклоняемых субстантивов омонимичных форм с нулевыми флексиями.

2. Иную природу наличия у несклоняемых существительных рода, числа, падежа видит Е. В. Клобуков, полагая, что эти категории конституируются аналитическими морфологическими формами. Как отмечалось выше, автор относит эти существительные к грамматическому классу «деграмматизированных словоформ», которые «контаминируют внутреннюю морфологическую деграмматизацию с внешней (аналитической) морфологической формой выражения их грамматического значения». У слов «типа метро, боа» внешний аналитический формант (флексии адъективных слов. – Г. П., А. К., Н. К.) является единственным морфологическим средством, служащим для выражения значений рода, числа и падежа: *вижу новое пальто* – ... ‘ср. р.’ + ‘ед. ч.’ + ‘В. п.’» [Клобуков, 2014, с. 55].

Не отрицая возможности такой интерпретации данного языкового материала, представим наш вариант его осмысления. В словосочетании *вижу новое пальто*, бесспорно, выражается информация о роде существительного, а также падежные и количественные значения, но выражаются они разными языковыми единицами. Род закреплен за самим существительным *пальто*, он предопределяет выбор флексии родоизменяемого слова и тоже только отражается в ней, как и при сочетании со склоняемым субстантивом. Количественное и падежное значения, действительно, выражаются флексией прилагательного (ее омонимией мы пренебрежем). Только о чем эта флексия информирует: о значениях числа и падежа слова *пальто* или же об объекте, им названном? На наш взгляд, об объекте.

Если признать наличие у несклоняемых субстантивов аналитических форм рода, числа, падежа, то получается, что один и тот же формант конституирует морфологические формы разных частей речи: синтетические – у прилагательных и аналитические – у существительных. Подобная ситуация не характерна для традиционно известных аналитических форм.

3. Многие лингвисты, отказывая неизменяемым субстантивам в наличии морфологических форм числа и падежа, усматривают у них наличие значений числа и падежа, выражаемых синтаксически. Так, Н. С. Поспелов пишет: «Несклоняемыми называются существительные, не имеющие особых форм падежа и числа и выражающие грамматические значения падежа и числа синтаксически в самом строении предложения...» [1952, с. 93]. (Такого же мнения придерживаются А. Н. Тихонов, А. А. Камынина, М. А. Шелякин и др.)

Процитируем еще Энциклопедию «Русский язык»: «Неизменяемые слова – слова, не имеющие грамм. форм словоизменения. <...> Несклоняемые существительные и прилагательные способны выражать те же грамм. значения, которые есть и у остальных слов соответствующих частей речи, но выражают их только синтаксически...; напр., в словосочетании “купил новое пальто” у слова “пальто” синтаксически выражены значения ср. рода, ед. ч., вин. п.» [РЯ, 2020, с. 384–385].

В теоретических исследованиях такое видение морфологической специфики несклоняемых субстантивов базируется на определенной теоретической основе. Так, Л. А. Мельникова пишет: «Парадигма грамматических значений (в отличие от грамматических форм) является общей у флективных и нефлективных существительных» [2012, с. 82]. «Языковой механизм компенсации грамматических значений несклоняемого существительного состоит в распределении функций отсутствующего форманта между элементами грамматической структуры предложения. <...> Частные категориальные значения данных существительных выражаются синтаксически» [Там же, с. 8].

А. А. Колесников полагает, что значения рода, числа, падежа у неизменяемых существительных выражаются в структуре синтагматической парадигмы, включающей «согласо-

вательные и координируемые ряды обнаружения парадигматически связанных значений существительных»: *отплывает каноэ, стояли досье, проезд на личных такси* [Колесников, 1989, с. 45, 47].

И. В. Приорова пишет: «У несклоняемых существительных содержательные качества морфологических категорий не теряются... а реализуются в замещающем члене – регулирующем элементе...». Так, в высказывании *Ароматное саше лежало на постели* при помощи таких «регулирующих элементов» (их флексии выделены) выражаются значения ср. р., ед. ч., им. п., «присущие заимствованному *саше* как существительному» [2011, с. 56, 57]. Однако имеют ли отношение к существительному выражаемые значения числа и падежа? Полагаем, что нет.

Итак, мы изложили имеющиеся в русистике три точки зрения на морфологическую природу несклоняемых существительных. Первую и вторую точки зрения объединяет то, что у этих существительных усматривается наличие морфологических категорий и форм рода, числа, падежа. В соответствии с первой категории числа и падежа представлены омонимичными формами с нулевым окончанием, в соответствии со второй все три категории представлены аналитическими формами, компонентом которых являются флексии адъективных словоформ. Сущность третьей точки зрения, излагаемой в разных содержательных вариантах большинством грамматистов, сводится к тому, что несклоняемые существительные не имеют морфологических форм числа и падежа, но им присущи МЗ числа и падежа, выражаемые на синтагматическом уровне. На наш взгляд, здесь кроется логическое противоречие: значения приписываются субстантиву, а средства их выражения усматриваются за его пределами. Думается, что количественные и падежные значения, выражаемые флексиями грамматически зависимых адъективов, не имеют отношения к несклоняемому субстантиву, в отличие от значения рода.

Функции адъективных словоформ в сочетании с несклоняемыми существительными

Мы представим раздельное рассмотрение функций адъективных словоформ как носителей МЗ рода, носителей числа и носителей падежа.

Адъективные словоформы как **носители рода** в сочетании с несклоняемыми существительными выполняют, как уже отмечалось, ту же структурную функцию согласования, что и в сочетании со склоняемыми: род прилагательного предопределяется родом существительного, согласуясь с ним: *новое ← пальто, решающий ← пенальти, добродетельная ← леди*. Здесь также есть исключение: это сочетания адъективных словоформ с двуродовыми субстантивами, типа *наш хиппи – наша хиппи*. Родовые словоформы *наш / наша* тоже выполняют семантическую функцию: они непосредственно и независимо от существительного отражают пол обозначаемого им лица-референта. Во всех других случаях родовые формы адъективов выполняют прототипическую структурную функцию согласования, т. е. отражательную функцию.

Адъективные словоформы как **носители числа** в сочетании с неизменяемыми субстантивами утрачивают структурную функцию согласования и приобретают независимую семантическую функцию: их словоформа числа отражает не значение числа несклоняемого субстантива (у которого его нет), а непосредственно количество определяемых реалий: *новое пальто – новые пальто, добродетельная леди – добродетельные леди*. Ю. П. Князев отмечает, что способность прилагательных употребляться «независимо от существительного влечет за собой сокращение формально-синтаксических функций флексии и ее семантизацию» [2007, с. 171].

О возможной семантизации словоформ числа и рода прилагательных (без употребления этого термина) пишет А. В. Бондарко: «Когда отношение к числу и полу не получает специального выражения в словоформе, выступающей в роли подлежащего, категории рода и чис-

ла прилагательных берут на себя основную роль в реализации указанных семантических функций» (ср. *Вы добрый* – ед. ч.; *Вы добрые* – мн. ч.; *Ты добрый* – отношение к мужскому полу; *Ты добрая* – отношение к женскому полу) [Бондарко, 2005, с. 47].

Адъективные словоформы как **носители падежа** при сочетании с неизменяемыми существительными находятся в несколько иной ситуации. Их словоформа падежа тоже утрачивает структурную согласовательную функцию, но при этом затруднительно говорить о ее семантизации (в отличие от формы числа), так как падеж субстантива не является самостоятельным носителем падежного значения.

Каждая словоформа падежа обладает определенной «парадигмой падежных значений» (Е. В. Клобуков), а реализация каждого из значений зависит от ряда факторов: от позиции падежной словоформы в высказывании – независимая или зависимая, как в абсолютном большинстве употреблений, и в последнем случае от валентности господствующего слова, от его семантики, от лексической семантики самой словоформы падежа и др. Таким образом, падежное значение словоформы в высказывании предопределено теми факторами, которые находятся вне морфологической формы падежа. И потому падежные «семантические роли» могут «исполнять» не только изменяемые по падежам субстантивы, но и неизменяемые, не нарушая в большинстве случаев прозрачности смысловых отношений. См., например: *появился ослик* / *появился пони*, *купили ослика* / *купили пони*, *дали корм ослику* / *дали корм пони*³.

Если при склоняемом существительном валентная позиция «господствующего» слова предопределяет падежную форму существительного, а последняя, в свою очередь, обуславливает падеж адъектива, то при несклоняемом она предопределяет непосредственно падеж адъектива. Представим эти две ситуации наглядно:

- 1) *появился маленький* ← *ослик*, *привезли маленького* ← *ослика*;
 2) *появился* → *маленький пони*, *привезли* → *маленького пони*.

Так как словоформа падежа существительного сама по себе не является носителем падежного значения (в данных примерах значений субъекта и объекта), то не приходится говорить и о семантизации словоформы падежа адъектива при ее сочетании с беспадежным существительным.

Заключение

Итак, несклоняемые субстантивы не имеют морфологических категорий, форм и значений числа и падежа. Эти значения выражаются на синтагматическом уровне без морфологического участия существительных. Несклоняемые субстантивы имеют только род, который закреплен за каждым существительным и предопределяет родовую форму зависимого слова. Род не выражается в несклоняемых субстантивах, а присваивается им по известным правилам, имеющим не грамматический, а семантический характер (учитывается их неодушевленность / одушевленность, наличие / отсутствие семы пола и др.).

По существу, все интерпретации морфологической природы несклоняемых субстантивов обращаются к адъективным словоформам: их так или иначе связывают с выражением значений рода, числа и падежа существительных или же с разграничением омонимичных форм числа, падежа, наличие которых иногда приписывают несклоняемым субстантивам. Проведенное исследование подводит нас к следующей интерпретации функционально-грамматического потенциала адъективных словоформ в русском языке.

В сочетании со склоняемым существительным адъективы выполняют структурную функцию согласования в роде, числе и падеже. Исключение составляют адъективные слово-

³ Анализ синтаксических позиций несклоняемых субстантивов, неоднозначных в плане выражения падежных отношений, представлен в [Мельникова, 2012, с. 84–138]. См. примеры: *Художник писал Леонардо* (кого? кому?), *Мне открыла сестра Элис* (чья? какая?).

формы как носители рода в сочетании с двуродовым субстантивом (включая и несклоняемое): в этой позиции они утрачивают структурную функцию согласования и приобретают семантическую функцию, самостоятельно отражая пол обозначаемого субстантивом лица.

В сочетании с несклоняемым существительным адъективы сохраняют структурную функцию согласования только в роде (если существительное не двуродовое) и утрачивают согласование в числе и падеже в силу их отсутствия у данного субстантива. В сфере этих категорий они обретают самостоятельность и фактически берут на себя выполнение морфологических функций склоняемого субстантива, включая его семантическую способность непосредственно отражать количество обозначаемых объектов.

Что касается адъективных флексий, то они являются средством выражения МЗ только в структуре самих адъективных словоформ. Адъективные флексии не выражают МЗ существительных, а лишь отражают их: у склоняемых субстантивов они отражают комплексную форму рода, числа, падежа, являясь ее синтагматическим «отпечатком», а у несклоняемых отражают только род – единственную их морфологическую категорию.

Таким образом, подлинный статус средств выражения МЗ имеют те языковые единицы, которые входят в структуру словоформы, содержащей данные значения. Все единицы, находящиеся за пределами этой словоформы, являются не средством выражения, а лишь формальным отражением ее МЗ и, следовательно, их синтагматическим показателем.

Список литературы

- Бондарко А. В.** Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: ЯСК, 2005. 624 с.
- Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
- Гловинская М. Я.** Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: ЯСК, 1996. С. 237–304.
- Голев Н. Д.** «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Том. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 14–28.
- Зализняк А. А.** Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
- Клобуков Е. В.** Неизменяемые словоформы в морфологической системе современного русского языка // Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. М., 2014. Вып. 10. С. 45–57.
- Князев Ю. П.** Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: ЯСК, 2007. 704 с.
- Колесников А. А.** Неизменяемые имена существительные русского языка, обозначающие исчисляемые предметы // Филологические науки. 1989. № 5. С. 45–49.
- Копелиович А. Б.** Очерки истории грамматического рода. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 118 с.
- КРГ – Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
- Лопатин В. В.** Морфологические категории в плане выражения // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 3–13.
- Мельникова Л. А.** Несклоняемые имена существительные в русском языке: грамматика и функционирование: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2012. 178 с.
- Панова Г. И.** Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. СПб.; Абакан, 1996. 164 с.
- Панова Г. И.** Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. 2-е изд. М.: КомКнига, 2014. 448 с.
- Панова Г. И.** Морфология современного русского литературного языка: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 564 с.

- Панова Г. И., Викторина Т. В., Кузьмина А. Е.** Морфологические средства в русском языке: уточнение понятия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 23–33. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33
- Поспелов Н. С.** Части речи. Имя существительное // Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 57–130.
- Приорова И. В.** Грамматическая «асистемность» несклоняемых имен в русском языке как лингвистическая проблема // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2011. № 2 (13). С. 54–60.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1980. Т. 1. 783 с.
- РЯ – Русский язык. Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
- Смирницкий А. И.** Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 11–53.
- Щерба Л. В.** Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 186 с.

References

- Bondarko A. V.** Teoriya morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniya [Theory of morphological categories and aspectological studies]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2005, 620 p. (in Russ.)
- Glovinskaya M. Ya.** Aktivnye protsessy v grammatike (na materiale innovatsii i massovykh yazykovykh oshibok) [Active processes in grammar (based on the material of innovations and mass language errors)]. In: Russian language of the late twentieth century (1985–1995). Moscow, Languages of Slavic Cultures, 1996, pp. 237–304. (in Russ.)
- Golev N. D.** “Obshchii rod” i gendernaya semantika russkikh imyon sushchestvitel'nykh: bigendernost' ili agendernost'? [“Common gender” and gender semantics of Russian nouns: bigenderness or agenderness?]. *Bulletin of Tomsk University. Philology*, 2013, no. 6 (26), pp. 14–28. (in Russ.)
- Klobukov E. V.** Neizmenyaemye slovoformy v morfologicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Immutable word forms in the morphological system of the modern Russian language]. In: Language. Literature. Culture: Actual problems of studying and teaching. Moscow, 2014, iss. 10, pp. 45–57. (in Russ.)
- Knyazev Yu. P.** Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2007, 704 p. (in Russ.)
- Kolesnikov A. A.** Neizmeniaemye imena sushchestvitel'nye russkogo iazyka, oboznachaiushchie ischisliaemye predmety [Invariable nouns of the Russian language denoting countable objects]. *Philological Sciences*, 1989, no. 5, pp. 45–49. (in Russ.)
- Kopeliovich A. B.** Ocherki istorii grammaticheskogo roda [Essays on the history of grammatical gender]. Vladivostok, Far Eastern Uni. Press, 1989, 118 p. (in Russ.)
- Lopatin V. V.** Morfologicheskie kategorii v plane vyrazheniya [Morphological categories in terms of expression]. In: Russian language. Functioning of grammatical categories. Text and context. Moscow, 1984, pp. 3–13. (in Russ.)
- Melnikova L. A.** Nesklonyaemye imena sushchestvitel'nye v russkom yazyke: grammatika i funktsionirovanie [Indeclinable nouns in Russian: grammar and functioning]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Astrakhan, 2012, 178 p. (in Russ.)
- Moldovan A. M.** (ed.). Russkii yazyk [Russian language]. Encyclopedia. Institute of Russian language. Russian Academy of Sciences. 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SCHOOL, 2020, 904 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nykh [Morphological categories in modern

- Russian: aspects of the formal expression of the verb form and the gender of nouns]. St. Petersburg, Abakan, 1996, 164 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologiya russkogo yazyka [Morphology of the Russian language]. An encyclopedic dictionary-reference book. 2nd ed. Moscow, KomKniga, 2014, 448 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Morphology of the modern Russian literary language]. A textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2022, 564 p. (in Russ.)
- Panova G. I., Viktorina T. V., Kuzmina A. E.** Morphological Means in Russian: Clarification of the Concept. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 23–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33
- Pospelov N. S.** Chasti rechi. Imya sushchestvitel'noe [Parts of speech. Noun]. In: *Sovremennyyi russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. Moscow, Moscow Uni. Press, 1952, pp. 57–130. (in Russ.)
- Priorova I. V.** Grammaticheskaya “asistemnost” nesklonyaemykh imyon v russkom yazyke kak lingvisticheskaya problema [Grammatical “asystemicity” of non-declinable names in the Russian language as a linguistic problem]. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2011, no. 2 (13), pp. 54–60. (in Russ.)
- Shcherba L. V.** Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow, 1957, 186 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, AS USSR Publ., Institute of the Russian Language, 1980, vol. 1, 783 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu., Lopatin V. V.** (eds.). *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar]. Moscow, Russian language, 1989, 639 p. (in Russ.)
- Smirnitsky A. I.** Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [Lexical and grammatical in a word]. In: *Questions of grammatical structure*. Moscow, AS USSR Publ., 1955, pp. 11–53. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow, Higher School, 1972, 616 p. (in Russ.)
- Zaliznyak A. A.** *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka, 1967, 370 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Галина Ивановна Панова**, доктор филологических наук
SPIN 2059-4022
- Антонина Евгеньевна Кузьмина**, кандидат филологических наук
SPIN 6725-6959
- Надежда Юрьевна Кравченко**, старший преподаватель

Information about the Authors

- Galina I. Panova**, Doctor of Sciences (Philology)
SPIN 2059-4022
- Antonina E. Kuzmina**, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 6725-6959
- Nadezhda Yu. Kravchenko**, Senior Lecturer

Вклад авторов:

Г. И. Панова – общее научное руководство, разработка концепции, написание основного текста статьи.

А. Е. Кузьмина – подготовка большей части раздела «О средствах выражения морфологических значений в русистике», выверка окончательного варианта статьи.

Н. Ю. Кравченко – подготовка части раздела «Статус супплетивных основ», техническое оформление статьи.

Contribution of the Authors:

Galina I. Panova guided the research process, built up the concept and wrote the main body of the article.

Antonina E. Kuzmina wrote the better half of the section “On ways of expressing morphological meanings in Russian”, proofreading the final version of the article.

Nadezhda Yu. Kravchenko wrote part of the section “The status of suppletive word-stems”, contributed to the final formatting of the article.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2022;
одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 30.08.2022
The article was submitted on 18.06.2022;
approved after reviewing on 28.08.2022; accepted for publication on 30.08.2022*